

РЕАЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ СНА В ПОЭМЕ П. П. НЕГОША «ЧЕРНОГОРЕЦ В ПЛЕНУ У ВИЛЫ»

В первый сборник Петра II Петровича Негоша «Отшельник цетиньский», опубликованный в 1834 г., вошло десять сочинений преимущественно одического характера, причем самым объемным из них стало произведение «Черногорец в плену у вилы». Его можно считать поэмой, так как в произведении прослеживается четкая фабула, и есть все основные элементы сюжета. Кроме этого, «Черногорец в плену у вилы» отличается от других стихотворений сборника идейной направленностью: данная поэма носит ярко выраженный патриотический характер: «В этом сотворении мы видим во владыке патриота, с гордостью вспоминающего светлые страницы сербской истории, оплакивающего темные и питающего надежды на лучшую будущность своего племени» [6, 229]. Также следует отметить, что в сочинении Негош отходит от традиций классицизма, широко представленного в других произведениях сборника, и создает наполненную духом романтизма поэму. Подтверждением тому является уход от реальности путём магического перенесения главного героя на вершину Ловчена, обращение к народным мифологемам (образ вилы, лебедя, число «три» в качестве необходимого количества для реализации действия: *«три вјенца накитило главу»* [7, 89]; *«ал' су два три порасли цвијета / из просуте крви Црногорства»* [7, 92]; *«додија ми с' више то гледати, / у три сата сву промјену Српства»* [7, 92]), картины природы, на фоне которой и происходит действие, а также идея национального освобождения сербского народа.

Главный герой поэмы Драго Драгович, пасший овец вблизи Ловчена, на склоне дня засыпает под деревом. Не осознавая того, что пребывает во сне, он встречает вилу в образе прекрасной девы, которая предлагает ему отправиться в таинственное путешествие. Согласившись, главный герой улетает вместе с вилой на лебедь в пещеру, расположенную на самом высоком пике Ловчена, *«коју око друго не погледа, / сим сокола јали горске виле / јал' слијепца и вјеишта гуслара»* [7, 88]. И там перед глазами Драго Драговича разворачиваются аллегорические картины сербской истории, в которых мать-Сербия представлена в следующем образе: *«Насред исте престол подигнути; / на њем сједи ка божество неко / у женском лице и погледу, / су три вјенца накитило главу»* [7, 89].

Главный герой видит мощь и красоту Сербии в славные годы правления Стефана Душана: *«Мач и храброст силнога Душана / и ваљаност Србах витезових / од Булгарах с крвљу тешком оте / в'јенац славе и њине државе, / њим те матер Србију крунимо»* [7, 90].

Однако потом эти яркие картины сменяются увяданием цветов в венце Сербии, что обозначает закат Сербского царства и тяжелое ярмо турецкого

ига. Главный герой с горечью и болью в сердце наблюдает за этим. Но история продолжается: надежда на возрождения былого величия звучит в песнях вил, которые, хоть и сквозь слезы, поют о героической борьбе черногорцев, сопротивляющихся врагу: «*Мало ми се сузе уставилие, / док започнем гласак вилах слушат / ђе плачући мало прип'јевају / неке боје с Турцма црногорске, / Царског Лаза, пак и Вртијелке, / Меког Дола, Кчева и Трњинах, / и Црнице, па и Буковице, / од Питерах, па Бјелонавлићах, и од Крусах, па и Мартинићах*» [7, 91–92].

Неспроста именно в уста таких мифических персонажей, как вилы, Негош вкладывает исполнение героических эпических песен о боях черногорцев: «У Негоша появляется вила как носитель, персонификация, а, может лучше было бы сказать, метафора поэтического творения или песни» [4, 166].

Надежда на свободу пробивается из засохшего венца Сербии в виде молодых побегов, символизирующих Карагеоргия и его восстание. Следует отметить, что предводитель Первого сербского восстания – одна из центральных фигур во всем творчестве Негоша. В поэме «Черногорец в плену у вилы» Негош впервые обращается к этой исторической личности вне формы героических песен. Примечательно, что, только описывая Карагеоргия, сербский поэт выходит за рамки фольклорной стилистики произведения, сравнения его с античными богами: «*Марса српског и младога Феба / закри мрачна тополска гробница*» [7, 92], что было характерно для других произведений, вошедших в сборник «Отшельник цетильский».

Убийство Карагеоргия является самым напряженным моментом произведения: вместе с кончиной «сына Тополы, зерцала сербства» [7, 92] опять упала тень на светлое будущее страны. Главный герой не в силах больше смотреть печальные картины и настаивает, чтобы его вернули назад на пастбище, где ему остается лишь молить Бога о новом расцвете сербского народа. Таким образом, данное произведение, как и стихотворение «Черногорец всемогущему Богу», также вошедшее в сборник «Отшельник цетиньский», заканчивается молитвой, посредством которой «Негош постоянно был соединен со своим божеством. Божественная искра Негоша непрестанно искала связь с «вечным пламенем», из которого она выскочила... Молитва Негоша – это молитва великого человека, который больше дает, нежели ожидает, что ему воздастся» [1, 135].

Примечательно, что для осмысления судьбы сербского народа Негош выбирает мотив сна. «Сон, который не лжет, и в котором все допускается, был идеальным поэтическим средством для достижения новой чувственности и нового гуманизма» [2, 39]. Также выбор данного приема был обусловлен общей популярностью этого мотива в литературе эпохи романтизма. Многие европейские и русские писатели – Байрон, Ламартин, Державин, Пушкин и др., чьи произведения Негош высоко ценил, – при-

бегали к этому литературному приему. Однако история «сна» в мировой литературе уходит своими корнями в глубокую древность: данный мотив можно отыскать в античных мифах и в книгах Священного писания. «Устойчивые значения мотива сна, которые постепенно превратятся в традиционные штампы, складываются ещё в античности, Постепенный отход от сюжетности, «сгущение» смысла приводит к возникновению собственно лирического мотива, который потенциально (возможно – из-за всё ещё осознаваемой связи с мифологическим сюжетом) может метафорически обозначать самые разные явления» [5, 210].

В поэме «Черногорец в плену у виль» посредством «сна» можно проследить традиции сербской и мировой литературы, которые сыграли определенную роль в формировании поэтического стиля Негоша.

Для литературного процесса южных славян XVII – XVIII вв. характерна пессимистическая настроенность, обусловленная, прежде всего, историческими событиями: захват сербских земель Османской империей не способствовал развитию культуры, однако в данном случае, кроме этого, сказалась и общеевропейская философия барочного упадка. Одним из ведущих мотивов литературы на Балканах того времени была смерть. Аллегорические образы умирающей родины можно встретить в творчестве многих сербских писателей (Арсения Йовановича Шакабенты, Захарии Орфелина, Йована Райича, Доситея Обрадовича и др.). Как известно, смерть и любого рода увядания во многом сопоставимы со сном в его латаргическом проявлении: «сон и смерть состоят в родстве, которое, вероятно, и даёт возможность живым общаться с уже умершими во сне, ибо эти два состояния родственны, и сон представляет собой своеобразный канал, ведущий в мир иной» [5, 29]. Ввиду этого наблюдается некоторое сходство поэмы Негоша со стихотворением Захарии Орфелина «Плач Сербии», где Сербия также аллегорично представлена в образе умирающей женщины, терпящей всяческие унижения и предательства. Но если Орфелин ведет повествование от лица самой Сербии, то Негош представляет беды отечества посредством ретроспективы, показанной его главному герою. Таким образом, в поэме «Черногорец в плену у виль» сон – это «возможность проникновения в иное измерение, открывающее необычные перспективы и возможности. Мотив сна, таким образом, приобретает максимально серьезный смысл; провиденциальный сон, преодолевающий времени и пространства сродни сну творческому, поэтическому вдохновению...» [5, 87].

Сходную концепцию сна мы находим и в творчестве Г. Р. Державина, который прибегал к данному литературному приему в таких своих произведениях, как «Видение мурзъ», «Водопад», «Свобода». Последнее из них по композиции сопоставимо с поэмой Негоша: у Державина лирический герой также засыпает на лоне природы, и во сне к нему являются призрачные существа, предлагающие ему земную власть. Однако герой от нее

отказывается, провозглашая высшим идеалом личную свободу: «*Не хочу моей свободы, / Совесть на мечты менять: / Гладки воды, коль погоды / Их не могут колебать. / Власть тогда моя высока, / Коль я власти не ищу*» [3, 292]

У Негоша также в поэме присутствует лейтмотив свободы, но здесь речь идет о свободе целого народа. Именно эта свобода, по мнению автора, является основой для развития свободы личности. На это Негош намекает, назвав своего лирического героя вымышленным именем *Драго Драгович*. История данного имени такова: на одной из первых страниц издания сборника «Отшельник цетиньский» было написано: «Напечатано в типографии свободы черногорской на Цетине. Передано и допущено в печать цензором Драго Драговичем»... Это была чистой воды шутка, так как не было никакой цензуры, и незачем и не для кого было ее вводить, но, по примеру других государств, было выделено одобрение цензора с именем «Драго Драгович», что обозначало «пиши то, что тебе драго (т. е., что хочешь)» [8, 68].

Таким образом, включение в одический сборник «Отшельник цетиньский» поэмы «Черногорец в плену у виль», которая на первый взгляд сильно отличается от других произведений книги, обусловлено идейной направленностью произведения: устами Драго Драговича Негош поет оду свободе и независимости.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Велимировић, Н.* Религија Његошева / Н. Велимировић. – Подгорица: Октоих, библиотека «Његош», 2001. – 164 с.
2. *Вучетић, Ј.* Сан и његова откривалачка функција у племенском животу Његошевог дела / Ј. Вучетић // Баштина. 2013. – № 35. – С. 29–44.
3. *Державин, Г. Р.* Свобода / Г. Р. Державин // Стихотворения. – Л.: Советский писатель, 1957.
4. *Иванић, Д.* Његошеви аутопоетички искази у оквиру српске пјесничке традиције / Д. Иванић // Његошев зборник Матице српске / Матица српска; ред. М. Вуксановић. – Нови Сад, 2014. – С. 159–168.
5. *Кумбашева, Ю. А.* Мотив сна в русской лирике первой трети XIX века: дис. ... филол. наук: 10.01.01. / Ю. А. Кумбашева – СПб., 2001. – 230 с.
6. *Лавров, П. А.* Петръ II Петровичъ Нѣгошъ владыка черногорский и его литературная дѣятельность / П. А. Лавров. – М., 1887. – 400 с.
7. *Његош, П. П.* Заробљен Црногорац од виле / П. П. Његош // Собр. соч.: в 7 т. – Београд: Просвета, Цетиње: Обод, 1974. – Т.1. – С. 84 – 93.
8. *Ровински, П. А.* Ровински о Његошу / П. А. Ровински. – Цетиње: Обод, 1967г. – 274 с.